

БабВаля

«Бабки – это наше всё»

А.С.Пушкин (шутка)

Узкая дверь в храм в маленький храм. И справа и слева плотно стоят люди. Пытаюсь пролезть в храм вслед за строгой бабушкой с палкой в руках. Она вдруг останавливается, разворачивается. А мне деваться некуда, как говорится – «за нами Москва!» Кажется, что сзади стоит вся Москва. Бабушка говорит жалобным тоном: «Не знаю, где палку оставила!» Народ хором: «Она у Вас в руках!» С некоторым обвинительным пафосом, конечно. Бабушка сникла и превратилась из вождя народов к светлому будущему в простую деревенскую милую бабулю. Она, зафиксировав, что «совсем того», пошла ставить свечи. Добрый православный народ обмяк и забормотал что-то вроде: «Все там будем».

Но чу!

«Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа!».

И покати́лась Литургия. Стало не до наблюдений. Отмечу только, что худенькие и толстенькие, модно одетые, и прикинутые в стиле 50-х годов бабули наши молятся, в основном, стоя.

Мы, помладше бабули, и люди в самом расцвете сил как-то к ним относимся немного «сверху», снисходительно. А ведь это – последние осенние цветы стойкого российского ареала.

Боже, что они вынесли! Гражданскую войну они уже не застали. Но многие из них родились в 30-х страшных годах тотального террора верующего населения, потом Великая Отечественная война, потом хрущевские гонения. Не задули страшные бури мерцающий огонек их веры. К сожалению, приходят они на Литургию одни, как правило, без детей, без внуков.

Но вот попроси их подписать письмо «за храм» - подпишут, с радостью. Дать на Донбасс – дадут. Вытащат своими заскорузлыми ручками из ветхих кошельков – и дадут. На храмовую тарелку хоть 10 руб да положат. Не все так поступают, хоть и живем мы точно лучше их.

Вспоминаю мою незабвенную БабВалю. В которой, мне кажется, слилось все то, что теперь так не хватает в жизни. И мудрость, и кротость, и щедрость при трезвом взгляде на жизнь и на людей. И, конечно, вера. Она не только верила в Бога, она Ему верила, и вверила всю себя.

Познакомилась я с ней в селе Орудьево при интересных обстоятельствах. Меня отовсюду выгнали, и я не нашла ничего лучше, как поехать отдыхать в дом к своей знакомой в Орудьево. Благо, пенсия есть. Поехала, типа, сторожить. Это означало, что я там живу бесплатно. Мало того, я прихватила племянника, сына сестры, которая живет на Крайнем Севере. И меня не только пустили, но еще и обрадовались, что делают дитю милость.

Приехав с инспекцией, моя благодетельница решила меня познакомить с местным верующим контингентом. И вот – момент знакомства настал. На улице мы встретили стог сена, из которого торчали старческие ноги. Стог сена шел на нас и здоровался человеческим голосом. Это и была БабВаля. Стог сена объяснялся просто - она держала коз, и заботилась об их прокормлении.

Стала я у нее бывать в ее большом каменном доме, где жила она одна, с котом, крысами и козами. Козы отличались козлиным упрямством и наглостью. Все попытки БабВали припахать

меня к уходу за ними они нагло игнорировали. Смотрели на меня прозрачными зелеными глазами и стойко сопротивлялись моим потугам. А бабВалю слушались.

БабВаля любила своих коз сильно и даже слишком. Наконец, осталась одна коза. БабВаля все чаще болела, у нее был хронический бронхит, а ведь козу надо доить регулярно, и ходить для этого каждый день в холодную пристройку, что никакой бронхит не любит, а паче хронический. И вот я и дети ее стали к ней приставать, чтобы она избавилась от козы. Но бабВаля нашла лазейку, чтобы не избавляться от козы, и мы поехали на могилу схиеродиакона Александра (Жемкова), праведника, похороненного недалеко от Орудьева – просить для бабВали здоровья. БабВаля пела в церкви около сорока лет, и мы с ней спели литию довольно стройно на погосте одним прекрасным сентябрьским днем. И попросили О.Александра (Жемкова), кто - о чем, а бабВаля – о здоровье.

На следующий день после моего приезда в Москву раздался в телефонной трубке взволнованный голос моей дорогой старенькой Валентины. Она сказала:»Ты представляешь, коза сохла! А ведь я же просила здоровья, а не чтобы козу забрать!».

Но не долго жила БабВаля без козы. Она опять где-то нашла на свою голову козу, которая отличалась концентрированным козьим характером – взрывным сочетанием агрессии и своеволия. Кончилось тем, что козу БабВаля отдала в Пешношский монастырь.

И вот, помню, у нее вдруг возникло горячее желание посетить Николо-Пешношский монастырь. Нашлась машина и желающие совершить паломническую поездку. Захватили и бабВалю. По прибытии в монастырь оказалось, что из всех достопримечательностей монастыря бабВалю интересует больше всего подсобное хозяйство. А почему? Да потому что она предвкушала свидание со своей дорогой козой. Но не тут-то было. Оказалось, что козы пасутся где-то за пределами монастыря, а водитель категорически отказался искать место козьей дислокации.

С тех пор моя дорогая Валентина коз больше не заводила, хоть и любила по-прежнему козье молоко.

Кот у нее тоже был наглец – воровал все прямо со стола, несмотря на то, что был биваем бабВалей. Про крыс я молчу.

БабВаля жила одна, хоть у нее было два сына – один –«доктор высших наук», а другой – инженер.

Третий сын у нее погиб в армии, воин Сергей. И это была не зарастающая рана ее сердца.

Был у нее и муж, шахтер. Любил ее муж женский пол по молодости до того, что прямо при бабВале на каком-то застолье «обжимался» с очередной зазнобой. БабВаля терпела, терпела, да и ушла от него, к другому, верующему.

Тот вроде и ее любил, и детей ее тоже (трое!). Но у бабВали сердце было не на месте. И вот, однажды, приходит, значит, муж, и говорит:»Прости меня!»! Закипело сердце у жены, не хотела оно его прощать. Кинулся он тогда на колени перед образом св.Николая Чудотворца и сказал:»Пусть она меня простит!». И отпустило мою бабВалю, и простила она его.

Но не простила себя. И муж умер, и тот человек, который не стал мужем, а она все каялась со слезами, и при мне – «как это она в блуде жила!».

После коленопреклоненного покаяния муж даже поехал с ней в Троице-Сергиеву Лавру, и там он попал на исповедь к о.Науму, который прилюдно взял свечу и стал жечь ему пальцы. Тот отдергивал, естественно, руку, а о.Наум ему говорил:»А как все тело-то «там» гореть будет?!» После исповеди и Причастия семейная жизнь вошла в колею по-тихоньку. Дети старшие хорошо учились. А младший сынок был ближе всех к матери, потому что «очень верил». Он с удовольствием ходил с мамой в храм и ездил по монастырям. И в армии не хотел снимать крестик, а начальство требовало, сослуживцы издевались. Что там произошло в действительности, бабВаля не знает, а только ей пришло письмо, что ее сын в армии повесился. Выдали ей цинковый гроб, который не открывали.

Похоронили сына в Тульской области, там, где они семьей проживали. После похорон бабВаля поехала к архимандриту Серафиму (Тяпочкину) в Белгородскую область с просьбой - помолиться, чтобы ей не сойти с ума. Что он говорил, я не помню, но утихла у нее невыносимая скорбь. Его портрет стоял у нее в келье (иначе я ее комнату не назову). И когда я увидела этот портрет, я дико удивилась. Это были 90-е годы, про арх.Серафима мало кто знал, а я, милостью Божией, прочитала книгу о нем в черновике еще. И увидев этот святой лик, я поняла, что бабВаля в моей жизни, а я - в ее вовсе не случайно. Оказалось, что бабВаля шила облачения для архимандрита Серафима. И иногда ездила к нему.

Она вообще шила облачения батюшкам (по тем временам – ценнейший человек! Облачений-то не было). И большей частью дарила их.

Вызвали как-то ее в райком и грозно требовали, чтобы она объяснила, что это она все по монастырям ездит и по храмам, и деньги попам дает. А она им :»Вот так! Вот так!» (тут бабВаля рубила рукой воздух). Ну и объяснила, что без Творца ничего не бывает. Они ее выгнали со словами, мол, иди отсюда, а то ты и нас фанатиками сделаешь! Мракобесами.

БабВаля по церковной линии вообще была негибимой. По молодости ездила в храм за много верст, там пела. Это ей было предсказано кем-то из отцов Троице-Сергиевой Лавры. Когда она в толпе подошла под благословение к старому монаху (забыла я – к какому), он ей постучал по голове со словами:»Певчая, певчая!»

Она и пела, и читала в своем храме в Орудьево почти до смерти. Читала прекрасно - каждую букву слышно. И пела, подстраиваясь под матушку – жену настоятеля, а это было нелегко.

Да, а мужа она «довела» до того, что он умер (от рака) со свечой в руке и после смерти улыбался. А помирал, улегшись прямо в гроб. А она стояла и говорила:»Кайси, кайси!»

На этом прекратилась в ее жизни семейная линия. И началась другая.

Еще в Почаевском монастыре с младшим сынком, которого убили потом в армии, после службы отдыхала она ночью в храме на полу. И сподобилась видеть, как на солею вышел прп Иов Почаевский и свт Николай Чудотворец и благословили всех лежащих и сидящих в храме.

Истинность этого явления подтвердил ее духовный отец - протоиерей Михаил (Чельцов), исповедник. Она мне много рассказывала, как он ее любил, как он ее ласково встречал и привечал. Да так, что келейница и матушка ревновали.

Вообще на почве облачений у нее было много знакомого духовенства, ну и любила она, чтобы ее в храме ласково встречали. В большинстве храмов, где она благоворила, так и было, но были и исключения. В том храме, где она несла клиросное послушание, предыдущий настоятель отказался повенчать ее внуку. Этого она ему никак не хотела простить, и часто наши разговоры кончались ее воспоминанием об этом потрясении. Потому что после этого ее внука в храм – ни ногой. Вообще-то, дети и внуки у нее были верующие, конечно, но – не церковные люди. А сестры бабВали были церковные люди старой закваски.

Под конец ее жизни вообще случилась семейная драма. Ее внучка вышла замуж ... «за католика»! Француза! БабВаля заливалась слезами. То, что ее внучка в результате этого брака стала жить в доме с видом на Кремль, ездила во Францию, ну и подобные признаки «успешной жизни» мою дорогую бабВалю вовсе не утешали. Только однажды, после визита к «молодым», она несколько поуспокоилась, потому что нет, нет, да внучка ходила в православный храм и таскала с собой француза.

А про сына (папа «успешной внучки», который - «доктор высших наук») она отзывалась с теплотой. Он маму любил (как и второй, инженер), единственно, что у него было плохо с работой. Он был специалистом по дирижаблям, а у нас в России с дирижаблями как-то не очень. И вот она молилась:»Господи, ну подай ему хоть один дирижаблик!» . И что Вы думаете?

Китайцы заинтересовались дирижаблями и конкретно – ее сыном, как специалистом, и он стал строить то ли русско-китайский, то ли просто китайский дирижабль!

Вот так создаются направления в экономике! Надо просто побольше бабВаль с сынками!

И еще она любила делать подарки. Приедешь – то одной иконы нет, то другой. Подарила. Мне бывало обидно, а почему не мне (ведь надо же все мне!) Особенно я «положила глаз» на Андрониковскую икону Божией Матери. Но бабВаля подарила ее своему знакомому о.Симеону. На иконе Божия Матерь была с живыми глазами. Уже после ее смерти в одном храме на столике, где лежат иконки для бесплатной раздачи, я обнаружила Андрониковскую икону Божией Матери. С живыми глазами, хоть и не писаную. Мне как-будто передали привет от бабВали и я обрадовалась. Потому что она до сих пор мне нужна.

И вообще, каждому из нас нужна бабВаля. Чтоб сидела где-то не очень далеко в домике с котом и крысами и молилась о нас. И как припрет нам – чтоб было куда поехать. Без звонка по телефону. А просто – звонишь в дверь, выкатывается к тебе клубок в теплом пушистом платке и радостно тебя целует: «приехала наконец-то!» ! А потом жареная картошечка, московские подарки на столе и на диване (На диване полежат, полежат, а потом и переключают обратно в сумку, потому что «нет, не подходят») ! Я только потом поняла, что это было. Это и был аскетизм!)

Да, про жареную картошечку. Картошечка бывала жареной, только если я за ней присматривала. А если уйдешь за хлебом и оставишь на бабВалю, то придешь – картошечка уже превратилась в угольки, а бабВаля сидит себе в келье у батареи и самозабвенно читает Псалтирь. В дыму.

А потом она лезла в подпол за огурчиками. Огурчики она солила в 3-х литровых банках. Огурчики бывали размером с кабачок, но это не отражалось на их вкусе. Вкус был вкусный.

Надо сказать еще про подпол этого дома. Дом строила бабВаля сама. Но первоначально в качестве подпола бывшие хозяева участка выстроили под домом целый бункер.

Может, они собирались там какой-нибудь подпольный цех устроить, или дорыться до Кремля – не знаю. Знаю, что подпол тянулся под всем домом и под пристройкой к дому и дальше. Кто его знает, куда шли эти катакомбы.

Теперь, после смерти бабВали, этот дом продается по цене хорошей московской квартиры. Как сказал наш общий знакомый, может, там нефтяная скважина?

Когда я у нее ночевала, мы долго не могли расстаться, она все рассказывала, рассказывала истории из своей жизни. А ведь утром - в храм! В храм она ходила неукоснительно.

Много она мне рассказала из своей жизни историй.

Иногда это были истории из жизни России. Вот, например, она куда-то ехала и ранним утром переходила железнодорожные пути и ей явилась в небе..... Пресвятая Богородица! В образе – как на иконе Всех скорбящих Радосте. Не помню всех обстоятельств, помню только, что на следующий день началась война. И таким образом Мать Божия показала БабВале, а заодно и нам: где нам, скорбящим – Радость. И, может быть, это было предсказание, что скорбящий русский народ все-таки ждет радость Победы.

Хотелось бы – вечной Победы, для всех. Но так не бывает.

Конец моей бабВали был тяжел. Ее свалил инсульт и она в пролежнях и муках доживала свои последние месяцы в местной больничке. При ней была хожалка, спасибо, дети не бросили и оплачивали и больничку, и хожалку. Я приезжала к ней редко, что до сих пор меня мучает. Она не всегда бывала в себе. А когда бывала в себе, то была полна какой-то кроткой любви. Правда, жаловалась – а кому еще пожалуешься? Хожалка была порядочная, но черствоватая. Когда бабВаля бывала не в себе, то про себя всё молилась (и ночью, говорила хожалка), на вопросы не отвечала, бормоча что-то себе под нос.

Умерла она 15 декабря. И тут вспомнился ее рассказ о том, что почаевский схииерхимандрит Исаакий ей сказал, чтобы она постригалась в монахини с именем Варвара. Хоронили ее как раз на день муч. Варвары, 17 декабря. Вот ведь как! Не поймешь о чем предсказание, пока не исполнится.

Я знала, что она – инокиня, и даже знала – кто ее на это подвинул. Подвинула ее на постриг матушка Еликонида (в схиме - Алексия), бабВалина хорошая знакомая, из Елоховского собора. Она прислуживала в Никольском приделе. Матушка Еликонида, по рассказам бабВали, была близка к Святейшему Патриарху Алексию II, и под ее чутким руководством он лечил горло керосином. У него было хроническое заболевание горла. И помогало! Может, вкуче с ее молитвами.

Инокиня Валентина не любила о своем постриге говорить, называла себя «недостойной послушницей». О том, что она монахиня, я узнала незадолго до ее предсмертной болезни, когда она мне стала говорить, как ее одеть после смерти и показывать, где что лежит.

Как и когда БабВаля стала монахиней Валентиной - не знаю. Эта тайна ушла с ней могилу. Смерть ее наступила для меня почему-то неожиданно.

Старший сын поручил мне приготовить ее тело к погребению.

И я, нашедши параман с крестом, клобук и монашеские одежды поехала в морг г. Димитрова, где неумело, а, может, и не правильно ее облачала.

А выдавшие виды служители морга даже вышли, когда я возилась с ее телом, и вообще относились к ее телу zelo уважительно и бережно.

Ну, вот, и лежит моя бабВаля вся в черном, в мантии и клобуке. Ничем от нее не пахнет, только вот тело холодное и застывшее.

Потом привезли ее, мою дорогую, к ее дому, по требованию местных старушек. И они прощались с ней с плачем и воем – в микроавтобусе, который и увез ее к месту упокоения – на кладбище в Щелково Кимрского района, где похоронена ее сестра Галина.

Там, в холодном кладбищенском храме Успения Пресвятой Богородицы, отпевал монахиню Валентину аж местный благочинный. Она, небось, и ему облачения шила.

Было тепло в холодном храме, народу было немного, в основном, ее родня. Я почему-то знала все слова длинного монашеского отпевания. И пела, пела вместе с хором всей душой. Было светло и легко.

На обратном пути зимняя дорога преподнесла нам сюрприз – настоящую страшную метель, начавшуюся с мелких снежных змеек на дороге, а кончившуюся настоящей снежной бурей с завываниями. Там, в Кимрских пределах, начинаешь очень хорошо понимать, что такое зимняя русская дорога.

Когда мы добрались до Москвы, то была радость достижения теплого угла. И не только. Еще была какая-то радость непонятная, перемешанная со светлой грустью.

Прошло пять лет. Я чувствую свою вину перед бабВалей – вину человека, промотавшего сокровище. Сокровище бабВалиной любви.

Боже, не дай промотать сокровище Твоей любви!